

фликт с сенаторским сословием. Последнее обстоятельство объясняется определенной политической тенденцией — укреплением военной диктатуры в связи с усилением классовой борьбы. В темах, посвященных экономике Римской империи I и II вв. н. э., автор прослеживает, как в недрах рабовладельческого общества развиваются элементы феодального строя.

Исходя из того, что основные факты, события и даты римской истории уже должны быть усвоены студентами при изучении общего курса Римской империи, метод, избранный Н. А. Машкиным, следует признать вполне правильным: при нем четко прослеживаются основные линии развития рабовладельческого общества, что способствует формированию марксистско-ленинского мировоззрения у студентов-историков.

Следует отметить, однако, некоторую неравномерность в изложении истории Римской империи и ее историографии. Автор уделил слишком мало внимания изучению истории римских провинций; замечания, связанные с их историей, сделаны вскользь. Между тем очерк их истории в теме XIII «Социальный строй Римской империи в I и II вв.» необходим, ибо без него нельзя составить себе правильного и полного представления об экономике Римской империи, о причинах кризиса III в. и т. д. Автор неоднократно говорит об урегулировании сбора налогов в провинциях и о том, что управление провинциями упорядочивается и приводится в систему в эпоху Римской империи (стр. 26, 32). Следует подчеркнуть, что это «урегулирование» следует понимать лишь в том смысле, что тяжелый налоговый гнет становится постоянно действующей системой, прессом, давящим основных жителей провинций со все возрастающей силой. Вряд ли можно безоговорочно утверждать, что со временем Августа «откупная система заменяется непосредственным сбором налогов императорскими чиновниками или же налоги вносятся городскими советами» (стр. 26). Надписи¹ свидетельствуют, что откупная система сбора налогов существовала в ряде провинций до 182 г. н. э. Весьма уместным было бы в разделе «Римская культура в конце I и во II в. н. э.» коснуться и провинциальной культуры: эта тема важна и сама по себе и в связи с влиянием провинциального искусства на римскую (в узком смысле этого слова) культуру. Хотелось бы также, чтобы автор осветил историю Боспорского царства в те периоды, когда судьба этого одного из древнейших государств на территории СССР переплеталась с историей Римской империи. Излишней кажется нам приложенная к каждой главе хронология, полностью совпадающая с хронологическими таблицами, помещенными в учебнике по римской истории Н. А. Машкина. Автор уделяет достаточно места западноевропейской историографии XVIII в. и дает ее критику, а чрезвычайно актуальные вопросы, связанные с критикой буржуазной историографии XIX и особенно XX вв., совсем не нашли отражения в книге.

Значение книги выходит за те рамки, которые были поставлены перед Н. А. Машкиным как автором методического пособия для студентов-заочников. Четкая разработка основных проблем, связанных с историей Римской империи, тщательно подобранная тематика работы над источниками и подробный указатель русской литературы по каждой из тем делают книгу весьма полезной также и для преподавателей педагогических институтов, которые пожелали бы вести на историческом факультете специальный курс или специальный семинар по истории Римской империи.

Т. Д. Златковская

СТАТЬИ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В «УЧЕНЫХ ЗАПИСКАХ» ПЕДВУЗОВ И УНИВЕРСИТЕТОВ В 1948—1949 гг.

В «Ученых записках» высших учебных заведений, вышедших в 1948 и 1949 гг., помещен ряд статей по истории древнего мира. Часть из них непосредственно связана с историей нашей родины.

¹ CIL, III, 751, 752, 7434; AEM, т. XVI, ст. Франкфуртер, № 2.

В статье М. И. Артамонова «О землевладении и землевладельческом празднике у скифов»¹ общественный строй скифов характеризуется как первобытно-общинный. Автор считает, что скифское общество было сходно по формам землевладения с германским обществом времен Цезаря и Тация. «Скифы, как и древние германцы, — говорит М. И. Артамонов, — находились на последней стадии развития родового строя, на этапе его разложения, который Энгельсом именуется «военной демократией».

Автор впервые анализирует с социально-экономической точки зрения сообщающую Геродотом (IV, 7) легенду о происхождении скифов, в которой рассказывается об обычаях скифов-земледельцев наделять в весенний земледельческий праздник землей без ограничения того, кому, согласно легенде, оставалось жить не больше года. Из этой легенды логически вытекает то, что земля распределялась между хозяйствами ежегодно и что площадь надела ограничивалась. Сопоставляя свидетельство Геродота со свидетельствами Цезаря и Тация о земельных распорядках у древних германцев, а также с данными археологии о размещении населения больших скифских городищ тесными группами, разделенными между собой значительными свободными участками, М. И. Артамонов полагает, что каждая такая группа представляла собой какую-то крупную социальную единицу — племя или общину.

При разделе земли могло приниматься во внимание не только количество членов разных семей, но и их социальное положение, как это было у германцев во времена Тация. Этот вывод подтверждается, по мнению М. И. Артамонова, не только аналогиями, но и тем, что, согласно рассказу Геродота, скифы предоставляли заснувшему со священным золотом возможность получить столько земли, сколько он сможет объехать в один день. Огромные размеры такого участка связаны с тем, что в разделяемые земли включались не только пахотные участки, но и обширные пастища. Городища не были поселениями, а только укрепленными убежищами на время военной опасности.

Предлагаемое М. И. Артамоновым толкование свидетельства Геродота все же требует дальнейшего уточнения. В частности, нельзя ставить знак равенства между аграрным строем германцев времен Цезаря и времен Тация.

Другая статья М. И. Артамонова «Скифское царство в Крыму»² посвящена общественно-политическим отношениям скифов в Крыму и нижнем Поднепровье в эллинистический и римский периоды. Основываясь на археологических и других источниках, автор утверждает, что «скифов эллинистического периода в Крыму и нижнем Поднепровье представляли, вероятно, в основном те же племена, которые под общим названием «скифы-номады» жили здесь и раньше». Эти племена, «с наибольшей силой подвергавшиеся влиянию античной цивилизации, тесно связались с экономикой греческих колоний и в своем социально-экономическом развитии обогнали другие, более отдаленные варварские образования». Отсюда — их отпадение от скифского союза племен и превращение в оседлое земледельческое население, оставившее свои следы в городищах в низовьях степных рек.

Переход кочевников-скотоводов к оседлости и земледелию автор справедливо рассматривает «как следствие экономической дифференциации» в обществе, одновременно приводившей также и к распаду кочевой обороны и разложению родового строя. М. И. Артамонов подчеркивает, что во взаимоотношениях между членами одного и того же племени «преобладающее значение имела экономическая кабала под маской патриархальности, граничащая с рабством, а в значительной мере и ничем не прикрытое рабство», возникшее же в это время скифское государство «могло быть еще полугосударством, государством варварского типа». Против последнего определения нужно возразить, так как оно методологически несостоятельно. Автор останавливается на борьбе скифского царства за подчинение греческих городов, Северного Причерноморья в I в. н. э. и на судьбах скифов Крыма и нижнего Поднепровья до III в. н. э.

¹ УЗ ЛГУ, СИН, вып. 15 (1948), стр. 3—20.

² «Вестник ЛГУ», 1948, № 8, стр. 56—78.

Исчезновение скифского царства объясняется тем, что «оно было прежде всего военной организацией», государством варварского типа, не изжившим до конца «старой родовой организации».

Со скифской проблемой связана также статья К. Э. Гриневича «Оборона Боспора Киммерийского на основании археологического материала»¹. В трех главах этой работы дано сжатое описание валов, рвов и прочих городских укреплений, а также предметов вооружения местных жителей. В приложении приводится обстоятельный перечень мечей, копий и стрел, найденных в боспорских могилах в 1901—1915 гг.

Истории скифского общества касается и статья М. М. Кубанова, посвященная итогам археологических изысканий в районе дер. Ивановки (Керченский полуостров) в 1947 г.². В расследованной части крепостной стены городища у дер. Ивановки автор обнаруживает переплетение приемов крепостного строительного искусства эллинских колонистов Северного Причерноморья с туземными элементами, причем последние имеют, очевидно, перевес. По своей структуре и мощности раскопанный памятник имеет много общего с крепостной стеной Неаполя Скифского. Найденные за пределами городища материалы дают основания установить некоторые хронологические ориентиры для городища и его округи (III в. до н. э.—V в. н. э.). Кроме греко-римских материалов извлечено очень много лепной туземной керамики, что свидетельствует об интенсивном развитии туземных элементов в ремесленном производстве.

Вопросу о киммерийцах посвящена статья В. Д. Блаватского «Киммерийский вопрос и Пантикеапей»³, в которой данные раскопок последних лет в Камыш-Буруне, Мирмекии и Керчи сопоставляются с неизначительными археологическими данными предшествующего времени и с античной традицией о киммерийцах. Автор приходит к выводу, что на месте Пантикеапея в киммерийское время существовало урошице, а может быть, и убежище; явно не греческое наименование города связано с киммерийцами. Автор допускает возможность, что потомки киммерийцев — местные племена Боспора — приняли участие в создании греко-варварского государства Спартокидов, возглавленного династией туземного происхождения.

Другая статья В. Д. Блаватского «Северо-Pontийские города в конце II—I вв. до н. э.»⁴ посвящена событиям этого времени в античных городах Северного Причерноморья. Основываясь на наблюдениях, сделанных при раскопках Пантикеапея в 1945—1948 гг., автор исследует экономику названных городов в свете их разорения в позднеэллинистическую эпоху. Экономический упадок эллинских полисов проложил широкий доступ варварам и способствовал росту противоречий между эллинами и варварами. Автор также устанавливает, что одним из результатов восстания Савмака и последовавших за ним событий на грани II и I вв. до н. э. было такое же усиление роли местных элементов в городах Боспора, как это имело место в Ольвии. «Падение привоза из метрополии, усиление местного производства, обслуживавшего местные потребности, значительная связь городов со степью — вот черты, которые определяют лицо культуры Боспора в позднеантичное время», — констатирует автор. В. Д. Блаватский отмечает, что именно варварские, а не эллинские элементы были той движущей силой на Боспоре, которая определила сопротивление его римскому владычеству. В первые века нашей эры туземные обитатели Причерноморья, сарматы в особенности, имели очень большое значение в городах Боспора, они наложили заметную печать на всю культуру Боспора, что не смог сделать Рим. Поэтому по мнению автора, справедливее было бы рассматриваемый период именовать не римским, а сарматским, по имени основной внутренней силы и правившей в это время династии.

Одной из важных проблем, стоящих перед советской исторической наукой, является вопрос о взаимоотношениях между государствами древнего Востока и народами Закавказья. Этой проблеме посвящена содержательная и обстоятельно документиро-

¹ УЗ Томского университета, 1947, № 7, стр. 57—88.

² УЗ ЛГПИ им. Герцена, т. 68, стр. 27—54 (16 карт и рисунков).

³ «Вестник МГУ», 1948, № 8, стр. 9—19.

⁴ «Вестник МГУ», 1949, № 7, стр. 55—70.

Ванная статья В. И. А в д и е в а «Кавказ и древний Восток»¹, в которой автор устанавливает точки соприкосновения и взаимную связь древней культуры народов Кавказа с культурами народов древнего Востока. Общий вывод автора следующий: изучение большого этнографического и археологического материала дает возможность установить, что, начиная со второго тысячелетия до н. э. на Кавказе, а в частности в Закавказье, жили культурные племена, обладавшие высокой и своеобразной культурой, тесно связанной с культурой соседних древневосточных народов, главным образом хетто-урартского круга. Эти народы Закавказья поддерживали тесные торговые и культурные взаимоотношения в первую очередь с соседними народами Передней Азии. Дальнейшее изучение этой важной исторической проблемы может пролить яркий свет на целый ряд вопросов, связанных с историей древнего Востока.

К истории древнего Востока относится и статья И. С. К а ц и е ль с о н а «Нубия под властью Египта»². В ней ставятся вопросы, связанные с объединением Нубии и превращением ее в египетскую провинцию. Объединение этой страны в единое целое стало, по мнению автора, возможным лишь благодаря военным успехам фараонов Среднего и Нового царства. Созданная египтянами система управления, их религия и культура оказали решающее воздействие на местное население, в первую очередь на родовую аристократию, которая стала активным проводником иноземного влияния. Основываясь на египетских источниках, автор указывает, что под воздействием Египта происходил дальнейший распад первобытно-общинных отношений, развитие ремесла и торговли. «Египет способствовал образованию Напатского государства, которое возникло на возведенном им (Египтом) фундаменте, почти полностью унаследовав от него идеологическое и политическое оформление». Надо отметить, что этот столь категорический вывод, повидимому, связан с тем, что автор не обращает достаточно внимания на значение туземных элементов в создании нубийской государственности, если не считать признания им того, что туземные племенные вожди Нубии играли немалую роль в управлении страной.

Истории древней Греции посвящена статья К. М. К о л о б о в о й «К вопросу о древнейшем населении на о. Родосе (тельхины на Родосе)»³. В этой статье автор пытается установить, кто такие тельхины — первоначальное мифическое население Родоса. Легенда обнаруживает, по мнению автора, мифологическую связь Родоса с минойским Критом и отражает воспоминание о древнейшей колонизации Родоса.

Вторая статья К. М. К о л о б о в о й «Греки в Египте»⁴ посвящена характеристике двух греческих колоний в Египте: Дафи и Навкратиса. Данные источников рисуют греческую колонизацию Египта, которая началась во времена фараонов Саисской династии как проникновение пиратов, превращаемых в наемников. Египетские фараоны использовали этих наемников для борьбы с Сирией и для походов в Эфиопию. В Дафнах греческие наемники были поселены в виде отдельной колонии на особых условиях.

Переселение греческих и карийских наемников в Мемфис привело к падению Дафн и вызвало борьбу родосских городов за Навкратис, основанный, повидимому, в конце VII в. Автор расходится с существующей в литературе оценкой значения Навкратиса в греко-египетских торговых отношениях VII—VI вв. По его словам, «Навкратис, во всяком случае в первые века своего «греческого» существования, был в основном лишь греческим эмпорием, где, конечно, могли обосноваться и греческие мастерские, сохранившие и художественные традиции и стиль работы своих отечественных полисов» (стр. 251), но он не был греческим полисом. Автор выясняет экономические связи греческих городов, в частности Родоса, с Навкратисом.

¹ «Вестник МГУ», 1948, № 4, стр. 3—22.

² «Вестник МГУ», 1948, № 6, стр. 15—32.

³ УЗ ЛГПИ им. Герцена, т. 68, стр. 79—86.

⁴ УЗ ЛГУ, СИН, вып. 14 (1948), стр. 237—279.

Древней истории Аттики коснулся в своей статье «К вопросу об издольщине в Аттике» В. Шостакович. Его интересует прежде всего, кто такие гектоморы эпохи Солона. Считая, что проблему афинской гектомории следует изучать не изолированно, а рассматривать в связи со всей структурой сельскохозяйственного производства древней Аттики, автор утверждает, что афинский издольщик — гектомор платил владельцу обрабатываемой им земли долю урожая соответственно степени своего участия в сельскохозяйственном производстве. «Процесс сельскохозяйственного производства в древней Аттике слагался из следующих шести основных элементов или факторов: земля — вода — семена — рабочий скот — орудия труда — рабочие руки. На каждый фактор производства полагалась одна доля урожая» (стр. 103). Но «не обязательно все издольщики, — говорит он, — должны были отдавать землевладельцу $\frac{5}{6}$ или все они должны были уплачивать ему $\frac{1}{6}$ жатвы» (стр. 104), как это принято утверждать. В связи со своей концепцией автор явно преувеличивает значение ирригации в хозяйстве древней Аттики; поэтому вряд ли уместны те аналогии с Востоком, которым отведена значительная часть его работы.

Из проблем, относящихся к ранней истории эллинизма, С. И. Ковалев в своей интересной статье «Александр, Филота и Парменион»¹ исследовал вопрос о заговоре против Александра Македонского осенью 330 г. Анализ источников и выяснение отношений, существовавших между Александром и его полководцами, приводит автора к выводу, что восстановить ясную картину событий 330 г. в Дрангиане «не представляется никакой возможности» (стр. 295). Эти источники позволяют ответить лишь на некоторые вопросы заговора. Считая, что возникновение заговора связано с переходом Александра к восточному абсолютизму и прекращением македонской патриархальной политики, С. И. Ковалев указывает, что «недовольство известных македонских кругов новой политикой Александра было не только «национальной», но и чисто политической оппозицией» (стр. 306) и что, хотя заговор возник в придворной среде, «у нас нет оснований считать, что в нем принимала сколько-нибудь заметное участие старая македонская знать. Скорее — наоборот: заговорщики принадлежали к новой, не родовой знати и, кроме того, вообще не пользовались большим влиянием в придворных кругах» (стр. 299). Сами Филота и Парменион имели лишь «косвенное отношение» к заговору, но они вольно или невольно оказались в центре недовольства в армии (стр. 303). Что касается размеров заговора, то, как утверждает автор, «мы не можем верить и некоторым из наших источников, когда они под влиянием враждебной Александру традиции говорят о якобы широком недовольстве, охватившем армию в связи с ориентализацией македонской политики. Будировала (вплоть до организации заговоров) только известная часть знати. Что же касается рядовой крестьянской массы, то она, по всей вероятности, довольно равнодушно смотрела на происходящее, так как перемены при дворе и в армии ее пока не затрагивали» (стр. 308).

Среди статей, посвященных истории древнего Рима, представляет значительный интерес статья Н. А. Машкина «Третий ценз императора Августа»², в которой исследуется опубликованный в 1946 г. фрагмент фаст из Остии, относящийся к третьему цензу императора Августа. На основании его анализа и сопоставления *Res gestae divi Augusti* автор устанавливает, как распределялись в конце правления Августа римские граждане между Римом и Италией, с одной стороны, и провинциями — с другой. Н. А. Машкин показывает, что это может явиться исходным пунктом для суждения о численности населения Италии и провинциального гражданства, что, в свою очередь, имеет чрезвычайно важное значение для социальной истории I в. н. э.

Привлекает внимание и исследование Н. Н. Залесского «Римляне на острове Делосе»³. Автор задался целью изучить экономику острова Делоса, игравшего огромную роль в хозяйственных связях Рима с периферией. Использовав весьма значитель-

¹ УЗ ЛГГ, СИН, вып. 14 (1948), стр. 280—308.

² «Вестник МГУ», 1949, № 4, стр. 35—42.

³ УЗ ЛГУ, СИН, вып. 15 (1948), стр. 134—168.

ный эпиграфический материал и другие источники, рисующие делосскую торговлю, Н. Н. Залесский показывает специфические черты этого античного торгового рынка.

Нужда в заморских торговых рынках в связи с развитием элементов товарности в римском хозяйстве и потребность во ввозе рабов обусловили во II в. до н. э. значительное развитие римской заморской торговли. Экономическая экспансия Рима началась здесь еще в III в., но окончательное утверждение римлян на острове относится к периоду после победы над Персеем в 168 г., а максимальный расцвет Делоса имел место после разрушения Коринфа, когда вся его торговля перешла к Делосу. С этого времени не только римляне преобладают в торговых корпорациях, но все товары, которыми торгуют на Делосе, и, в частности, главный из них — рабы, рассчитаны на сбыт в Италию. «Делосские материалы, — заявляет автор, — являются отличным подтверждением правильности принятого нами положения, что в Риме денежный капитал выступает преимущественно в его ростовщической форме и что вообще активность римско-италийских, в особенности римских, элементов при республике в сфере торгово-транспортных операций была относительно второстепенным фактором в общей картине развития итальянской экономики» (стр. 162).

Другая статья Н. Н. Залесского «К вопросу о происхождении плебса (форкты и санаты законов XII таблиц)¹» пытается установить, кто такие упоминаемые в законах XII таблиц форкты и санаты. Автор приходит к тому выводу, что форкты и санаты в эпоху законодательства децемвиров не были полноправными гражданами, но не были и жителями города. Если они не были в собственном смысле плебеями, то были близки к ним по своему юридическому положению.

Восстание Спартака привлекло внимание А. А. Мотус-Беккера; ее статья «Из истории восстания Спартака»² содержит две главы. Первая выясняет значение произведений Цицерона как источника о восстании Спартака. Вторая посвящена вопросу о разногласиях в армии Спартака. Считая данные Цицерона о восстании Спартака важным источником для выяснения причин неудачи переправы армии Спартака в Сицилию, автор находит в них данные о том, что: 1) Красс принял меры к тому, чтобы помешать переправе армии Спартака; 2) Веррес укрепил для этой цели побережье Сицилии и 3) пиратский флот не выполнил договора о переправе вследствие предательства пиратской верхушки, подкупленной Верресом. На этом основании автор считает объяснение причины неудачи переправы армии Спартака в Сицилию исключительно бурей, какое давал А. В. Мишулин, недостаточным.

Соглашаясь с критикой версии о племенных разногласиях в армии Спартака, А. А. Мотус-Беккер в то же время возражает против концепции А. В. Мишулина о том, что объяснения причин раскола в армии Спартака следует искать в различном социальном составе восставших (рабы и свободная беднота). Исходя из того, что крестьян в армии Спартака было мало, а племенной ее состав предположительно состоял в основном из галлов и фракийцев, частично германцев, а также и других племен, автор полагает, что разногласия в армии Спартака нельзя свести исключительно к различному социальному составу или к племенной вражде. Это были разногласия в самой массе восставших рабов и их вождей по вопросам тактики и стратегии самого движения (время, место, тактика боя, маршрут движения, время и место выхода из Италии). Нужно заметить, что подобное объяснение нельзя считать удовлетворительным. Даже античные авторы пытались так или иначе объяснить причину разногласий восставших в области тактики, а А. А. Мотус-Беккер ограничивается голой констатацией разногласий по вопросам стратегии и тактики и фактически не дает никакого объяснения причин этих разногласий.

Вопросу о заговоре Катилины посвящены две работы: статья С. С. Кирбяя — «Заговор или движение Катилины»³ и краткие тезисы С. Н. Бенклиева

¹ УЗ ЛГПИ им. Герцена, вып. 68, стр. 87—100.

² Там же, стр. 55—78.

³ УЗ Чкаловского ГПИ, вып. 1, 1948, стр. 112—150.

«Античные источники о заговоре Катилины»¹. С. Н. Бенклиев утверждает, что «античная историография, несмотря на недостатки, дала в общем правильную характеристику заговора, личности Катилины и показала его диктаторские замыслы». Автор доказывает несостоятельность мнения, что заговор Катилины представлял собой выступление римской демократии.

Против такой оценки заговора Катилины выступает С. С. Кирбятьев. По его словам, источники «свидетельствуют о том, что так называемый заговор Катилины представлял собой не просто заговор, а движение масс, вылившееся в вооруженное восстание, что основной движущей силой восстания Катилины были массы разоренных крестьян Италии и вообще бедноты и должники, что этому движению бедноты сочувствовали рабы и готовы были его поддержать, что катилинарцы намеревались установить связь и поднять порабощенные племена галлов» (стр. 115). Таким образом, С. С. Кирбятьев представляет выступление Катилины не как заговор, а как широкое демократическое движение. Автор сомневается в том, что Катилина был активным сулланцем в 83—70 гг., и утверждает, что он был врагом сулланской части сената в последующее время. Он отвергает предположение об участии Цезаря и Красса в движении Катилины и мысль о республиканизме Цицерона. Автор совершенно бездоказательно утверждает, что «именно беднота, которую возглавлял Катилина, и выдвигала свою программу — кассацию долгов, проскрипции богачей (крупных землевладельцев и финансистов-ростовщиков), демократизацию государственного строя и магистратские должности для сторонников этой программы (а вовсе не монархию)» (стр. 115).

Свои расходящиеся с современными взглядами советской науки положения автор подтверждает не столько анализом источников, сколько общими рассуждениями.

Вопросу по истории колоната в ранней Римской империи посвящена работа Н. Х. Юдикиса «Колонат в ранней империи»². На фоне анализа положения сельского хозяйства и судеб сельскохозяйственных классов древнего Рима и на основании многочисленных литературных источников, эпиграфических и юридических документов автор рисует колонатные отношения на территории Италии и Африки в I в. до н. э.—II в. н. э. Н. Х. Юдикис показывает эволюцию экономического и правового положения колонов и рост зависимости свободных колонов от владельцев латифундий. Однако вопросу о юридическом положении свободных колонов Н. Х. Юдикис уделил мало внимания. Им не показано изменение правового положения колонов в государстве. К сожалению, автор не дал развернутой критики взглядов Ростовцева и других буржуазных историков по этому вопросу.

Статья проф. Н. П. Ровенской посвящена социально-политическим воззрениям языческой интеллигенции поздней Римской империи³. Поскольку ни надписи, ни законы не проливают достаточного света на классовую природу позднего язычества, автор обратился к изучению литературных произведений этой эпохи, в частности двух виднейших писателей IV в.: ритора Либания и историка Аммиана Марцеллина. Как и большинство языческих писателей этой эпохи, оба они происходили из средних и мелких земельных собственников, крестьян, о которых Энгельс говорил: «Этот класс всего меньше был затронут общественным переворотом; он и религиозному перевороту сопротивлялся всего дольше»⁴. По мнению автора, социально-политическая программа Либания полностью соответствовала его консервативным религиозным взглядам и отражала положение гибнувших мелких и средних слоев свободного античного гражданства. Интересы этих слоев выступают и в исторических свидетельствах Аммиана Марцеллина. Ими же определяется отрицательное отношение последнего к новым формам деспотической власти первых христианских императоров, бывших политическим орудием экономически господствовавшей верхушки Римской империи, к

¹ «Труды Воронежского университета», т. XVI, вып. 1 (1948), стр. 21—23.

² УЗ Вологодского ГПИ, т. IV (1948), стр. 37—77.

³ «Труды Одесского гос. ун-та им. И. И. Мечникова», вып. 49, стр. 89—114.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 607.

которой относилось и высшее христианское духовенство. Вывод автора таков: живущество язычества в интеллигентских кругах — не простой религиозный атавизм, а выражение определенных социально-экономических отношений. Нужно, однако, заметить, что язычество прочно держалось не только в интеллигентских кругах, но и среди сенаторской знати и среди крестьянства.

Вошедшие в наш обзор работы по древней истории далеко не полностью отражают исследовательские интересы работников наших высших учебных заведений, занимающихся вопросами древней истории, так как публикация их работ идет еще очень медленно. Большая часть опубликованных работ представляет несомненный интерес. Особенно положительным явлением следует считать связь ряда опубликованных работ с проблемами древней истории нашей Родины.

Б. И. Рыськин

И. ЕФРЕМОВ. На краю Ойкумены, «Молодая гвардия», 1949, 293 стр., тираж 15 000 экз., цена 9 руб.

Реценziруемая книга написана очень живо, образно, занимательно и представляет большой интерес, особенно для молодого читателя.

Описываемые события развертываются в глубокой древности в XI—X вв. до н. э., т. е. более 3000 лет назад. Герой повести — юный грек Пандион, талантливый ученик художника Агенора. Юношу не удовлетворяет его учитель; он хочет создать такие произведения искусства, которые бы правдиво передали весь окружающий мир. В поисках художественного идеала Пандион хочет отправиться на Крит, хотя его пугают и далекое путешествие и неизвестная чужая страна.

В дальнейшем автор переносит место действия на Крит и затем в Африку. Из-за роковой случайности Пандион оказывается в море, где его подбирает финикийский корабль. Уже у самых берегов Африки юношу приносят в жертву разыгравшейся буре и выбрасывают в море. Прибоем его выносит на берег. Тут грека подбирает египетская стража.

С этого момента начинается ряд тяжелых испытаний в жизни молодого грека. Он становится рабом фараона, живет в невыносимо трудных условиях и выполняет вместе со своими товарищами нечеловечески тяжелую работу. Единственное, что скрывает жизнь невольника, — это то, что он находит друзей среди рабов. Рабы поднимают восстание. Одной группе восставших удалось бежать в пустыню. Однако их настигают и возвращают в Египет. Случай помогает рабам. Фараон мечтает о живом носороге, которого можно поймать в Центральной Африке. На эту охоту отправляют осужденных на смерть восставших рабов и за удачную поимку живого носорога им обещают свободу. Ценой громадных жертв носорог пойман, и рабам возвращается свобода, но... выбираться из дебрей Африки им предоставляется самим.

Последние главы повести посвящены описанию приключений в африканских степях и лесах, встречающим с негритянскими племенами, опасным переходом через девственные леса, охоте на страшных хищников. Наконец, часть уцелевших людей добирается до моря. Среди них и герой повести Пандион, и его лучшие друзья: этрус Кави и негр Кидого. Последний, собственно говоря, уже вернулся домой; его деревня расположена как раз у моря, и его сородичи помогают Пандиону, Кави и всем остальным перебраться через море на родину.

Таков сюжет очень занимательной и интересной повести. Но не в этом ее главная ценность. В книге нашли яркое выражение идеи дружбы и верности, любовь к родине, жажды свободы. Эти идеи не навязываются читателю; они переданы в живых, ярких образах трех друзей — Пандиона, Кави и Кидого, в их постоянной заботе друг о друге и обо всех товарищах. Через всю повесть красной нитью проходит мысль, что одиночка без помощи и поддержки товарищей погибает, а единый сплоченный коллектив может преодолеть все препятствия. Очень верно и хорошо показано в повести, как